

II. Литература и искусство.

1. С. М. Соловьевъ.

По поводу отдѣльнаго изданія его записокъ.

Историкъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій русской культуры XIX вѣка—такъ мнѣ всегда казалось. Явленіе замѣчательное прежде всего тѣмъ, что Соловьевъ непосредственно и въ высшей степени выразительно опровергаетъ ходячее мнѣніе о славянской непронзводительности, о якобы присущемъ русскимъ отсутствіи выдержки и трудолюбія. Я не знаю въ исторіи научной литературы примѣра большей выдержки, большей систематической производительности, чѣмъ та, которую явилъ русскій поповскій сынъ Соловьевъ, съ 1851 по 1879 г. каждый годъ выпускавшій по тому „Исторіи Россіи“ и самостоятельно обработавшій огромную область, которой до него научная работа коснулась лишь слабо. „Исторія Россіи“ С. М. Соловьева есть памятникъ исключительнаго значенія въ исторіи русской науки, востину—монументъ русскаго трудолюбія.

Для Соловьева недаромъ прошло и то соприкосновеніе съ наукой всеобщей исторіи, которое ему дало первое заграничное путешествіе. При этомъ совершенно нельзя отрицать въ Соловьевѣ очень крупнаго дарованія историка. Онъ не былъ ни только фактическимъ изслѣдователемъ, анналистомъ событій, ни просто аналитикомъ учреждений и ихъ исторіи. Не будучи гениемъ историческаго прозрѣнія, что можно сказать о Ключевскомъ, Соловьевъ всетаки обладалъ совершенно недюжиннымъ даромъ историческаго видѣнія и способностью художественно оформлять историческое прошлое. Это дарованіе обнаруживается и въ его „Запискахъ“, ¹⁾ ко-

¹⁾ Записки Сергѣя Михайловича Соловьева. Мои записки для дѣтей моихъ, а

торыя представляютъ очень цѣнный и по содержанію и по литературнымъ достоинствамъ образчикъ новѣйшей русской мемуарной литературы. Значительность и значеніе Соловьева ощущаются вполнѣ въ его „Запискахъ“.

Какъ это ни странно, несмотря на чисто русское происхожденіе, въ Сергѣѣ Соловьевѣ поразительна какая-то „пѣмецкая“ складка не только ума, но и всего духа. Не въ трудолюбіи и въ выдержкѣ это сказывается, а въ гораздо болѣе глубокихъ и основныхъ чертахъ его духа, въ присущемъ ему „филистерствѣ“, мѣщанствѣ, назовите это какъ угодно. Въ „Запискахъ“ эта черта сказывается въ отдѣльныхъ признаніяхъ и выраженіяхъ. Таково признаніе, что изъ гигиены духа Соловьевъ избѣгалъ посѣщать въ Парижѣ драматическій театръ (стр. 72: „причина заключалась въ моей слабонервности; воскресеніе должно было быть для меня *recreatio animi et corporis*, я хотѣлъ избѣжать въ этотъ день всего тяжелаго, а трагедія была тяжела для моихъ нервовъ“). Это говорилъ о себѣ юноша 22—23 лѣтъ!). Не случайно и такое выраженіе: „...въ концѣ 1847 и началъ 1848 года я имѣлъ сильное развлеченіе: 11 февраля 1848 года я женился“ (стр. 114). При всемъ этомъ „мѣщанствѣ“ историкъ Соловьевъ представлялъ крупную личность — „Записки“ носятъ на себѣ чрезвычайно яркую печать этой личности. Въ нихъ обнаруживается очень явственно присущій Соловьеву даръ характеристики, возвышающійся до художественности. Цѣлый рядъ лицъ охарактеризованъ жизненно и красочно

если можно, и для другихъ. Петроградъ, 1914 г. Кн.—во „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Стр. 174 (съ портретами). Текстъ изданъ весьма неряшливо, съ большимъ количествомъ опечатокъ. Такъ, на стр. напечатано Бенки вмѣсто Бека (August Bocksch, знаменитый эллинистъ).

(гр. С. Г. Строгановъ, Погодинъ, Грановскій, Катковъ, Кудрявцевъ, Леонтьевъ и др.), и эти характеристики прямо-таки врѣзываются въ память, какъ художественные образы. Но въ то же время нельзя не признать, что нѣкоторые портреты людей, съ которыми сталкивался Соловьевъ, весьма субъективны—до тенденціозности. Къ ряду лицъ Соловьевъ относился несправедливо и поверхностно судилъ о нихъ. Это слѣдуетъ сказать о славянофилахъ: ихъ онъ не то что не понималъ, но вовсе и не ощущалъ. Сужденія Соловьева о славянофилахъ поражаютъ наивной тенденціозностью. Такъ, объ Юріи Самаринѣ Соловьевъ замѣчалъ, что онъ „сдѣлался сначала славянофиломъ по недостатку ученаго образованія“ (стр. 106)! Несправедливо и поверхностно охарактеризованъ и А. И. Кошелевъ (стр. 108, кстати его фамилію не только можно, но и должно было бы напечатать полностью). Вообще сужденія Соловьева о современникахъ подчасъ блестяще-художественны, но это вовсе не сплошь сужденія объективно разсуждающаго и оцѣнивающаго историка: въ нихъ есть много личнаго и даже боевого. Ибо, при всей „умѣренности“ своей натуры и своихъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ, Соловьевъ былъ чрезвычайно активной, почти боевой натурой. Онъ самъ отмѣчаетъ въ себѣ эту черту какъ „торопливость“ (стр. 135), но это было нѣчто болѣе значительное, чѣмъ простая торопливость. Это была дѣятельность, укрощенная желѣзной волей и поставленная подъ контроль взвѣшивающаго все, холоднаго ума.

Въ смыслѣ политическаго темперамента и міровоззрѣнія Соловьевъ былъ рѣдкимъ и цѣннымъ въ русской духовной исторіи примѣромъ органическаго сочетанія и примиренія либерализма и консерватизма. Въ этомъ отношеніи онъ, будучи идеологически-отвлеченно чуждъ славянофильству, всетаки психологически приближался къ славянофиламъ по ихъ основному тону. Чѣмъ въ са-

момъ дѣлѣ былъ Юрій Самаринъ, какъ не русскимъ тори,—въ чемъ онъ впрочемъ однажды вполне категорически и признался? И такимъ же русскимъ либеральнымъ консерваторомъ былъ Сергѣй Соловьевъ. Любопытно въ немъ соединеніе отрицательнаго, доходящаго до ненависти, отношенія къ Николаю I и его режиму, съ весьма скептической оцѣнкой эпохи 60-хъ годовъ и всей дѣятельности самого Александра II: послѣдняго онъ характеризуетъ чертами тоже отрицательными, но уже не какъ либераль, а какъ консерваторъ. „Преобразованія производятся успѣшно Петрами Великими; но бѣда, если за нихъ принимаются Людовики XVI-е и Александры II-е. Преобразователь, вродѣ Петра Великаго, при самомъ крутомъ спускѣ держитъ лошадей въ сильной рукѣ—и экипажъ безопасенъ; но преобразователи втораго рода пустятъ лошадей во всю прыть съ горы, а силы сдерживать ихъ не имѣютъ, и потому экипажу предстоитъ гибель“ (стр. 168). Эти слова написаны, повидимому, въ 1878—1879 годахъ, хотя повѣствовательно „Записки“ обрываются на началѣ царствованія Александра II. Онѣ проливаютъ свѣтъ на эпоху Александра III, реакція котораго родилась изъ настроеній, недоумѣнія и испуга, охватившихъ широкіе круги русскаго общества подъ впечатлѣніемъ революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. Этихъ настроеній не было отнюдь чуждъ и Соловьевъ-отецъ. И въ этомъ такъ же ярко сказалась консервативная стихія его природы, какъ въ безпощадно-суровомъ осужденіи Николая I сказалась ея либеральная стихія. Какъ бы то ни было, будущій историкъ въ оцѣнкѣ Александра II и его царствованія, данной въ „Запискахъ“ Соловьева, найдетъ ключъ къ психологическому объясненію общественной подпочвы политической реакціи эпохи Александра III. Съ этой точки зрѣнія послѣднія главы „Записокъ“ Соловьева для историка, быть можетъ, наиболѣе

значительная и поучительная часть этих мемуаров одного из крупнейших русских ученых XIX вѣка. Въ этой части настроенія Соловьѣна обближаются съ „реакціонными“ настроеніями Каткова той же эпохи и съ „полуреакціонными“ настроеніями нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ славянофиловъ, хотя Соловьѣвъ вовсе въ это время не сталъ ни катковцемъ, ни славянофиломъ, а оставался попрежнему западникомъ и либераломъ. То, что я говорю, вовсе не означаетъ, чтобы Соловьѣвъ былъ исторически правъ въ своей характеристикѣ и оцѣнкѣ царствованія Александра II. Совсѣмъ наоборотъ: ошибки Александра II состояли не въ поспѣшныхъ преобразованіяхъ, а въ близорукости податливости на реакцію. Но сужденія Соловьѣна мнѣ представляются поучительными не какъ сужденія историка, не по ихъ научному содержанию, а какъ мысли современника, по ихъ психологическому значенію и интересу.

Петръ Струве.

2. Культура рѣчи.

Князь Сергій Волконскій. Выразительное слово. Опытъ изслѣдованія и руководства въ области механики, психологій, философіи и эстетики рѣчи въ жизни и на сценѣ. Спб., 1913, стр. 215. Ц. 1 р. 50 к.

„Платонъ Каратаевъ ничего не зналъ наизусть, кромѣ своей молитвы. Когда онъ говорилъ свои рѣчи, онъ, начиная ихъ, казалось не зналъ, чѣмъ онъ ихъ кончить. Когда Пьеръ, иногда пораженный смысломъ его рѣчи, просилъ повторить сказанное, Платонъ не могъ вспомнить того, что онъ сказалъ минутому назадъ, такъ же какъ онъ никакъ не могъ словами сказать Пьеру свою любимую пѣсню... Онъ не понималъ и не могъ понять значенія словъ, отдѣльно взятыхъ изъ рѣчи“.

Большій художникъ слова думалъ не

только надъ праведнымъ житіемъ, но и надъ словомъ, и въ вышеприведенномъ онъ сумѣлъ дать законодательно точное опредѣленіе тому, что только и можетъ быть названо *естественной рѣчью*. Тѣ, кто обучены грамотѣ и, читая порванную на слопа рѣчь, и подчасъ, со сказовой точки зрѣнія, порванную неосновательно, умѣютъ понимать значеніе словъ, взятыхъ въ отдѣльности; тѣ, кто обучены *русской* грамотѣ, и, въ заблужденіи, полагаютъ, что въ русскомъ языкѣ начертаніе словъ совпадаетъ съ ихъ произношеніемъ; тѣ, кто знаютъ склоненіе, спряженіе и зависимость предложеній,—тѣ не могутъ говорить *естественной рѣчью*.

Съ ранняго дѣтства языковое развитіе каждаго изъ насъ подвергается воздѣйствію искусственности, и, если мы не примемъ мѣръ къ обращенію ея въ искусство, наша рѣчь захирѣетъ. Первоначальная самопроизвольность Каратаевской рѣчи можетъ быть и выше знающаго искусства Демосееновой однако, разъ съ Каратаевымъ мы безвозвратно разстались, разъ сознаніе и намѣреніе проникли въ наше слово, то не лучше ли, чтобы не случайное знахарство учебника, но просвѣтленная наукою воля опредѣляла намъ правила рѣчи? Гдѣ не можетъ быть наивности, тамъ знаніе предпочтительнѣе предразсудка.

Думающіе такъ должны привѣтствовать появленіе книги кн. Волконскаго „Выразительное слово“. Она построена на тѣхъ же основахъ, что и замѣчательная книга того же автора „Выразительный человекъ“¹⁾, но въ отличіе отъ нея „Выразительное слово“ не является собою сооруженія завершеннаго и во всѣхъ частяхъ уравнишеннаго. Конечно, отсутствіе такого предшественника, какъ Дельсартъ, и необходимость приспособленія новаго предмета (слова) къ ученію, выработанному

¹⁾ См. мою статью: „Искусство выразительнаго глѣдженія“ (Р. М. 1913, № 11).